

ПАРАДИГМА

Философско-культурологический альманах

Издается с 2005 года

ВЫПУСК 35

**Санкт-Петербург
2021**

ББК 71.0
П18

“Paradigma” is an open-access, peer-reviewed journal produced by an international group of scholars and *DEWESOFT RUS, LLC*. Which comes out two times a year, publishes materials based on empirical interdisciplinary research in Russian, French and English languages.

«Парадигма» – рецензируемый научный журнал в открытом доступе, поддерживается международной группой учёных и DEWESOFT RUS, LLC. Выходит два раза в год. Публикуются результаты междисциплинарных исследований на русском, французском, немецком и английском языках.

Парадигма: Философско-культурологический альманах.
Вып. 35 / Главный редактор Н. Х. Орлова. СПб., 2021. 186 с.
ISSN 1818-734X

© Авторский коллектив, 2021
© Н. Х. Орлова, 2021

Editorial Board

Chief Editor

Nadezda H. Orlova, Dr. hab., professor, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.

Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Executive Secretary

Lyubov S. Moskovchuk, PhD, associate professor, Saint Petersburg Electrotechnical University. St. Petersburg, Russia.

Московчук Любовь Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ). Санкт-Петербург, Россия.

Editorial Board

Darovskikh Andrey, Candidate of Sciences (C.sc.), State University of New York. Binghamton, USA.

Даровских Андрей, кандидат философских наук. Кафедра философии, Университет Штата Нью-Йорк. Бингемтон, США.

Anna N. Ereteeva, Dr. hab., professor, Chief Researcher, Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Krasnodar, Russia

Еретеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Краснодар, Россия.

Lilianna Kiejzik, Dr hab., professor, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Poland.

Киейзик Лилианна, доктор гуманитарных наук, профессор, Зеленогурский университет. Зелена Гура, Польша.

Alexander M. Melikhov, Ph.D., Russian writer, the deputy chief of the "Neva" magazine editor. St. Petersburg, Russia.

Мелихов Александр Мотелевич, писатель, кандидат физико-математических наук, заместитель главного редактора журнала «Нева». Санкт-Петербург, Россия.

Anna G. Piotowska Dr hab., professor, Instytut Muzykologii of the Jagiellonian University. Krakow, Poland.

Пиотровска Анна, доктор наук, профессор, Ягеллонский университет. Краков, Польша.

Sergei Soloviev, PhD., professeur émérite IRIT, Université Toulouse. Toulouse, France.

Соловьев Сергей Владимирович, кандидат физ.-мат. наук, профессор, Университет Тулузы. Тулуза, Франция.

Natalja I. Šroma, PhD, associate professor, University of Latvia. Riga, Latvia.

Шром Наталья Ивановна, кандидат наук, ассоциированный профессор, отделение русистики и славистики гуманитарного факультета Латвийского университета. Рига, Латвия.

Louis Féraud, Dr. hab., professeur émérite IRIT, Université Toulouse. Toulouse, France.

Феро Луи, доктор математики, профессор, Университет Тулузы. Тулуза, Франция.

Alexander A. Chernyshenko, PhD, Group Leader vacuum measurements D.I. Mendeleev Institute for Metrology. St. Petersburg, Russia.

Чернышенко Александр Александрович, кандидат технических наук, ФГУП «ВНИИМ им. Д. И. Менделеева». Санкт-Петербург, Россия.

Clarisse Herrenschmidt, Dr. hab., philologue et linguiste, rattachée au Laboratoire d'Anthropologie Sociale du Collège de France. Paris, France.

Эреншмидт Кларисс, доктор филологии и лингвистики. Коллеж де Франс. Париж, Франция.

CONTENT

HISTORY OF PHILOSOPHY

(ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ)

Милорадович К.М. Роль метафизики в философии
Ksenia M. Miloradovich The role of metaphysics in philosophy..... 7

Львов А.А. Места памяти в истории философии (к эпистемологическому анализу концепции П. Нора)
Alexander A. Lvov. Places of Memory in the History of Philosophy (To the Epistemological Analysis of Pierre Nora's Conception)..... 25

Успенски Эниса Символизм и идея красоты в творчестве Е.В. Аничкова
Enisa Uspenski. Symbolism and the idea of beauty in the philosophy of E.V. Anichkov..... 44

TEXT AND CONTEXT

(ТЕКСТ И КОНТЕКСТ)

Мантет Д. Сладкая N как связующее звено эпох
James Manteith. "Sweet N" as a Link Between Eras..... 69

Михаленко Н.В. Осмысление феномена эмиграции в агитационном творчестве В.В. Маяковского
Natalia V. Mikhalenko. Comprehension of the phenomenon of emigration in the propaganda work of V.V. Mayakovsky..... 89

Сукич Несиба Палибрк. О фондах библиотек русской эмиграции в Сербии (Панчево, Вршац, Белая Церковь)
Nesiba Palibrk Sukić. About the collections of libraries of Russian emigration in Serbia (Pancevo, Vrshac, Bila Tserkva)..... 104

<i>Клестов А.А. Иакоб де Ворагине и его эпоха (Заметки переводчика)</i> <i>Alexander A. Klestov. Jacob of Voragine and his epoch (Translator's notes).....</i>	117
---	-----

<i>Иакоба де Ворагине. О святом Доминике</i> <i>Jacobi a Voragine. About St Dominic.....</i>	122
---	-----

CULTURY STUDIES
(ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ)

<i>Московчук Л.С. Этические проблемы рекламных коммуникаций</i> <i>Lubov S. Moskovchuk. Ethical problems of advertising communications</i>	144
---	-----

<i>Бубенкова А.Д. Тенденции визуализации женского образа в современной рекламе индустрии красоты</i> <i>Anastasia D. Bubenkova. Tendencies of visualization of woman's image in modern advertising of beauty industry</i>	155
--	-----

PERSONA PERSONAM
(ПЕРСОНА)

<i>Орлова Н. Х. Юлия Махновец: эпоха в биографии одной женщины</i> <i>Nadezda Kh. Orlova. Yulia Makhnovets: An epoch in the biography of one woman.....</i>	163
--	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS <i>(СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ)</i>	185
--	-----

Осмысление феномена эмиграции в агитационном творчестве В.В. Маяковского¹

Н.В. Михаленко

В статье представлено амбивалентное отношение поэта Владимира Маяковского к феномену эмиграции, который в его произведениях был интерпретирован двояко. С одной стороны, в его текстах создавался образ эмигранта-врага. С другой стороны, здесь мы найдём и фигуру эмигранта, симпатизирующего советской власти. На основе анализа поэтических, публицистических и плакатных произведений Маяковского показывается, что писатель создавал образ враждебного эмигранта, используя карикатуру, знакомые клише и сатирические насмешки, характерные и для образа внутреннего врага. Образы уехавших из Советской страны, но родственных поэту по духу людей создавались, в свою очередь, с подчёркиванием актуальности и значимости их деятельности на Западе.

Ключевые слова: творчество В.В. Маяковского, русская эмиграция, Окна сатиры РОСТА, политический плакат, Советское государство

Comprehension of the phenomenon of emigration in the propaganda work of V.V. Mayakovsky

Natalia V. Mikhalenko

This article presents the portrayal of emigrant found in the works of Mayakovsky – one that has a dual interpretation. Mayakovsky presents two images – an emigrant who is an enemy and an emigrant who is sympathetic to the Soviet government. Building upon analysis of poetic, publicistic and poster works of Mayakovsky the author shows that the writer creates the emigrant-enemy image using caricature, familiar clichés and satiric ridicule typical for enemies from within. Images of emigrants that are kindred spirits to

¹ Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по гранту Российского научного фонда (проект РНФ № 17-18-01432).

the poet are created, in turn, with their relevance and significance of their actions in the West emphasized.

Keywords: poetry of V.V. Mayakovsky, Russian emigration, windows of satire ROSTA, political poster, Soviet state

В 1920–1930-е г. г. в СССР активно развивался политический, агитационный плакат. Большой вклад в его становление внёс В.В. Маяковский своей работой над «Окнами сатиры РОСТА и ГлавПолитПросвета». Эти плакаты служили практическим наглядным пособием, где в доступной форме разъяснялась позиция власти по тому или иному вопросу, давалась политически верная интерпретация событий, граждане призывались к тем или иным действиям.

Характерные черты «Окон РОСТА» – трафаретность, визуальное и вербальное противопоставление врагов и героев, карикатурное изображение враждебных Советскому государству политических деятелей, сгущение красок.

Отойдя от плакатного творчества, Маяковский использовал все эти приёмы и в своих агитационных текстах с элементами агитации. Одной из наиболее ярких иллюстраций такого метода работы может служить оценка и интерпретация Маяковским деятельности русской пред- и послереволюционной эмиграции. Здесь представлено двойственное отношение писателя к этой проблеме. В стихах, призванных нивелировать значение и величину деятелей эмиграции, относившихся враждебно к советской власти, Маяковский активно использовал все приёмы создания образа врага. В тех же произведениях, в которых отразился его частный опыт, нашло воплощение внимательное, уважительное отношение к людям, с которыми он был лично знаком или деятельностью которых восхищался.

Тема взаимоотношений Маяковского и деятелей эмиграции – мало исследованная тема². Маяковский приезжал в Берлин и Париж в 1922, 1923, 1924, 1925, 1927, 1929 гг. Там он участвовал в выступлениях, выставках, общался с широким кругом знакомых ему эмигрантов. Он выступал в поэтических кафе, художественных ателье, Берлинском Доме искусств. В издательстве «Накануне» вышли на русском языке его сборники «Вещи этого года», «13 лет работы» в двух книгах. В Берлине Маяковский участвовал в Первой выставке изобразительного искусства РСФСР (с «Окнами РОСТА»), в первом номере журнала «Вещь», а в Париже в благотворительных балах в пользу нуждающихся художников. В 1925 году Маяковский совершил путешествие в Америку, побывав на Кубе, в Мексике и Соединённых Штатах, где участвовал в большом количестве вечеров и митингов.

Образы эмигрантов в творчестве Маяковского могут быть рассмотрены с двух разных позиций. Это эмигрант-враг (непримиримый эмигрант) и эмигрант (часто представитель авангарда), сочувствующий советским идеям. Образ врага выстраивался поэтом с помощью клише, ярлыков и трафаретов, которые он использовал и при создании образа внутренних врагов. Здесь Маяковский следовал канонам господствующей идеологии, проводил агитационную работу против людей, уехавших из Советской страны. Когда же речь шла о деятельности, творчестве и политической позиции близких по духу поэту людей, формировался прямо противоположный образ. Здесь были уже не клише, а человек во всех его проявлениях, которого принимал и понимал Маяковский. Часто образ такого эмигранта давался отдельными деталями, был завуалированным.

² Фундаментальной работой в этом плане является диссертация, положившая начало исследованию восприятия творчества Маяковского в русском зарубежье: [11].

У Маяковского немного работ об эмиграции, это в основном путевые очерки по материалам его поездок. Но замечания, резкие, ироничные отзывы об эмиграции и эмигрантах в его произведениях встречаются достаточно часто. Приведу несколько характерных примеров. В очерке «Немного о чехе» читаем: «Правда здесь полная свобода и белым. Недаром – это центр российской эмиграции. В славянском кабачке сиживает и сам Чернов» [6, с. 341].

В очерке «Поверх Варшавы»: «Неистовствовала только эмигрантская “За свободу”, трубившая о въезде советского» [6, с. 350]. В цикле очерков «Семидневный смотр французской живописи»: «Разумеется, не о дохлой России Сомовых, не об окончательно скомпрометировавшей себя культуре моментально за границей переходящих к Гиппиусам Малявиных, а об октябрьской, о РСФСР» [4, с. 238].

В очерке «Парижские провинции»: «Париж – пристанище мировой эмиграции. Эмиграция, что ли, эту гадость рассадила!» [4, с. 255]. В очерке «Париж. Театр Парижа»: «В обозрении три действия. Сюжет простой. В трех действиях бегают, декламируют и поют любовные вещи, постепенно сводя на нет количество одёжи. Кончается всё это грандиозным гопаком в русских костюмах. Очевидно, наша эмиграция приучила уважать “национальное достоинство России”» [4, с. 214]. В стихотворении «Два соревнования»: «Эмигранты соревнуются / (впрочем, паршиво!), / кто больше / и лучше / наделает фальшивок» [8, с. 54]. В очерке «Моё открытие Америки»: «На двух конкурирующих лодках два гаванца ругались на чисто русском языке: “Куда ты прёшь со своей ананасиной, мать твою...”» [5, с. 269].

В статьях, очерках, стихах Маяковского был создан обобщённый образ эмигранта-врага, трафаретный, сходный с традиционным образом буржуя или кулака, выведенным в «Окнах РОСТА». Образы внутреннего врага и внешнего – эмигранта или представителя прави-

тельств Франции, Германии, Польши – в изображении поэта создавались при помощи советских клише.

Обобщённый образ эмигранта имел характерные черты – так, он высокомерно высказывался о жизни в СССР, кардинально изменив своё мнение в угоду тому, что принималось на Западе, старался популяризировать и обратить в деньги свои антисоветские пропагандистские идеи, хотя бы таким образом войти в высшее общество. К таким людям Маяковский относился как к врагам: «Я ни слова не прибавляю в этих разговорах от своей ненависти» [4, с. 221].

В № 838 «Окна РОСТА» (январь, 1921) белогвардейские эмигранты были представлены как разжигатели войны, ведущие активную агитацию против власти Советов. Они якобы распространяли заведомо лживые, фантазмагоричные по своей нереальности слухи: «1) Белогвардейские заграничные газеты пишут: Р.С.Ф.С.Р. замышляет нападение против Литвы, Эстонии, Венгрии, Германии, Америки, Англии, Франции, Польши. 2) Ладно! Врите больше. Помните, если белогвардейщина изловчается в такой лжи, 3) Она сама нападение готовит. 4) Товарищ, не ослабевая винтовку держи!» [4, с. 303]. Бесформенная фигура буржуа на картинке противопоставлена, данной в напряжении и динамике, фигуре красноармейца. Контраст этих героев показывает, что воинственный эмигрант не пройдёт через заслон Красной армии.

Эмигранты, как и члены правительств приютивших их стран, изображены неспособными испытывать чувство сострадания, оказывать помощь голодающим. В стихотворении Маяковского «Сволочи» эмигранты показаны как поддерживающие военные действия против СССР, не задумываясь, что из-за этого страдают их бывшие соотечественники, голодают дети и старики. Обращаясь к евангельским метафорам, Маяковский клеймил продажность изгнанников, их способность застроенность жизни и быта забыть о страждущих. Их предательство карается:

Берлин.
Оживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодными драться им.
По Берлину,
закручивая усики,
ходят,
хвастаются:
– Патриот!
Русский!
Будьте прокляты!
Вечное «вон!» им!
Всех отвращая иудым видом,
французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами Вечным жидом! [3, с. 152–153]

Близкий сюжет об отсутствии гуманных черт у людей, находящихся за границей России и не бедствующих, мы найдём в «Сказка про белого бычка» в № 327 окна ГлавПолитПросвета (сентябрь, 1921). Маяковский саркастически повествует о Французском правительстве, к которому была обращена просьба СССР о помощи голодающим, но оно только тянет время, не собираясь помогать: «Стали крестьяне Поволжья голодать. Задумались французы, надо хлеба дать. Чуть свет собрали верховный совет. Спорят день, спорят ночь. Надо, мол, крестьянину помочь. Через неделю разрешились избранием комитета. Через месяц выедет комитет этот. Месяца через два до Волги комитет доберётся едва. Месяцев пять подумает, чтоб голода причины понять. Через год решает: вопрос ясен – и назад во Францию вернутся восвояси, чтоб результат поездки обсудить. Чуть свет опять соберётся верховный совет. И как с помощью доберутся до голодных мест: глядь – уже на голодных крест. Не верь же ни в Францию, ни в бывших министров – сам помогай решительно и быстро» [4, с. 401–402]. Текст сопровождается карикатурным изображением

ем членов верховного комитета. Они имеют традиционный вид врагов, как они представлены в стихах «Лицо классового врага» («Лицо классового врага. I. Буржуйнуво»): «): / толстый, низенького роста и с сигарою во рту. / Даже самый молодой – / зуб вставляет золотой. Чудно стрижен, гладко брит... / Омерзительнейший вид. / А из лысинных целин / подымается – цилиндр» [7, с. 45].

В очерке «Париж» («Отношение к эмиграции») Маяковский даёт общий взгляд на эту проблему, приводя достоверные факты, он подаёт их со своей, непримиримой точки зрения: «С возрастанием интереса к людям РСФСР, естественно, падает “уважение” к белогвардейской эмиграции, переходя постепенно в презрение. Это чувство становится всемирным – от отказа визирования белогвардейских паспортов Германией, до недвусмысленного указания на дверь “послу” Бахметьеву в Вашингтоне» [4, с. 220].

Рассказывая об эмигрировавших писателях, он безапелляционно показывает, что З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и И.А. Бунин стараются очернить образ советских граждан, например, показать двойственность, «переменчивость» в произведениях А.А. Блока, «разный смысл 12». Из писателей, стоявших в авангарде философии и культуры, они превращаются «в черт его знает во что!»: «В Париже самая злостная эмиграция – так называемая идейная: Мережковский, Гиппиус, Бунин и др. Нет помоев, которыми бы они не обливали всё относящееся к РСФСР» [4, с. 220]. Подоплёкой такого отношения Маяковский считает материальную заинтересованность: «“Идейность” эта вначале кое-что давала: то с бала Grand Prix перепадёт тысяч 200 франков, то дюшес де Клармонт устроит вечер. Это для верхушек эмиграции» [4, с. 220]. Деятельность же представителей эмиграции, не принадлежащих к бывшей культурной элите, Маяковский оценивал ещё более критично: «Низы воют, получая только изредка обеденные карточки» [4, с. 220].

Эмигранты в очерке «Париж» изображены в виде толпы, которая всеми силами старается отстоять свои интересы. Это люди, которые ради своего удобства или выживания готовы поступиться моральными принципами, даже попросить подданства у Страны Советов: «При мне громом среди ясного неба прозвучал отказ германского посольства от визирования эмигрантских паспортов. При постоянных поездках в низковольтную Германию для поправки денежных дел – это большой удар. Многие стали бешено наводить справки, где же им взять наш красный паспорт (на первое время, очевидно, решили иметь два)». Образ эмигранта, старающегося всячески сэкономить деньги, выведен и в карикатурах самой русской эмиграции (1930-х годов). Так, на рисунке «В мясной» (художник Mad – Михаил Александрович Дризо, 1887–1953) [10] изображена дама, которая с недоверием узнает о новых ценах: «– У вас цены не ниже, чем раньше... – Ну, что вы говорите!.. Раньше эта цена висела наверху туши, а теперь – внизу» [9, с. 70].

Когда русские эмигранты становятся обслуживающим персоналом в кафе и трактирах, Маяковский отмечает их тяжёлое материальное положение и превращение из людей, вхожих в высшее общество бывшей России, в официантов и статистов: «Недаром русские не только в присутствующих, но и в служащих. Танцуют, видите ли. Хозяин нанимает пару дам и пару стройных мужчин, так вот эти мужчины из аристократов русской эмиграции» [4, с. 224]. Образ русского эмигрант-гарсона отразился на карикатуре Mad'a «Русские, как их представляют себе французы». Русский официант со свиной мордой вместо головы не может понять посетителя кафе – француза [9, с. 55]. Маяковский пишет о том, что эмиграция разнородна, встречаются не только идейные противники, но и безнравственные, пошлые люди: «В одном кабачке вижу знакомое лицо. – Кто это? – Это – ваш москвич. Один из золотой молодёжи, известный всей Москве по громкому процессу об убийстве жены» [4, с. 224].

Маяковский отмечает растущий интерес парижских эмигрантов к жизни в советской стране и в Москве, в частности, их ревнивое любопытство: «Разевание рта на столичных, – так сейчас Париж разевается на москвичей. Обладатель нашей красной паспортной книжечки может месяц оставаться душой парижского общества, ничего не делая, только показывая эту книжечку. А если дело дойдёт до рассказов, то тут и за 10 часов не оторвёшь. И во всем боязнь: как бы Москва не переинтереснила Париж и не выхватила бы влияние на американцев и их... доллары». Ирония по этому поводу отмечается и в карикатурах эмиграции («Русские о самих себе»). За образом эмигранта всегда прочитывается сравнение жизни на родине и на чужбине: «– Там хорошо, где нас нет!.. – Не повторяйте этой глупой фразы: услышит кто-нибудь и подумает: “Вот, они сами говорят, что хорошо, где их нет!”» [4, с. 60].

Но политика – дело высшей части эмиграции. Низы эмиграции изображаются обездоленными, потерявшими опору в жизни. Например, в стихотворении «Иван Иванович Гонорарчиков»: «Не эмигрант ли / грязный / из бородёнки вшивой / вычесал / и этот / протестик фальшивый?!» [6, с. 168].

Этот образ схож с образом внутреннего врага из стихотворения Маяковского «Кто он?»: «Кто мчится, / кто скачет / такой молодой, // противник мыла / и в контрах с водой? // Как будто / окорока ветчины, // небритые щеки / от грязи черны. // Разит – и грязнее черных ворот // зубною щёткой / нетронутый рот. // Сродни / шевелюра / помойной яме, // бумажки и стружки / промеж волосьями; // а в складках блузы / безвременный гроб // нашёл / энергично раздавленный клоп» [7, с. 97].

В рисунке из № 54 ГлавПолитПросвета (февраль, 1921) герой в противовес врагу представлен следящим за своим внешним видом, чистотой: «Поползла по платью вошь. 2) Живо в «тройку» мчись ты! 3) Скажут – баню где найдёшь. 4) И уедешь чистым» [2, с. 45].

В № 376 окна ГлавПолитПросвета [«Чтоб из недели “заботы о достоянии” толку выйти, вот так, товарищи, агитацию ведите»] (октябрь, 1921): «1) Если ты сам не аккуратнее. 2) Если сам ты грязен и если придёшь. 3) И будешь агитировать так. 4) От этого пользы не получится и на пятак. 5). К лодырям у нас мало веры. 6) Настоящая агитация деловые примеры. 7) Увидят, как комиссар сам хранит и чистит и сам опрятностью блеснит. 8) И на себя наведут такой же вид» [2, с. 91].

В стихотворении «Американские русские» Маяковский высмеивает косноязычие эмигранта, который стремится приспособиться к новой среде, осваивая чужой язык. Но он выдаёт сам себя, используя просторечные русские выражения («тудой пройдёте четыре блока», «сюдой дадите крен») Эмигрант довольствуется своим положением, хотя и его штаны «заплатаны, / как балканская карта»:

Петров
Капланом
за пуговицу пойман.
Штаны
заплатаны,
как балканская карта.
«Я вам,
сэр,
назначаю апойнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апартман?
Тудой пройдёте четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен.

Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на корнере
у дрогс ликет,
а мне уж
и пинту
принёс бутлэггер.
Приходите ровно
в севен оклок, –
поговорим
про новости в городе
и проведём
по-московски вечерок» [7, с. 80–81].

И заканчивается стихотворение ироническим образом, показывающим, что умеющий приспособиться русский эмигрант сделает любое место своим домом:

Горланит
по этой Америке самой
стоязыкий
народ-оголтец.
Уж если
Одесса – Одесса-мама,
то Нью-Йорк –
Одесса-отец [7, с. 80–81].

Ирония над языком эмигрантов – смеси русского с французским – прослеживается и в карикатурах эмиграции 1930-х годов. Так, в карикатуре «Русский язык»: «Тут, визави вашего антрэ, есть гарсоньерка мебле с комфор модерн, кабинэ де туалотом, шоффажем, ассансером и с дешёвым луайе без бая... – Не говорите при консьержке... – Ах, она ведь не понимает по-русски!..» [9, с. 81].

Если эмигранты, не нашедшие своего места в другой стране, возвращаются на родину, они изображаются Маяковским людьми, не сведущими в политической ситуации и не способными оценить потенциал новой власти: «Эта русская эмиграция уже не старая, не воинственная. Надежды на двухнедельность существования РСФСР рассеялись “аки дым”, вывезенные деньжонки порастряслись, всё чаще и чаще заворачивают наиболее бедные и наиболее культурные из них (многие бежали ведь просто с перепугу) на Унтерденлинден 7, в наше посольство, за разрешениями на возврат в Россию» [4, с. 258].

Однако в произведениях Маяковского присутствует и другая риторика в отношении к эмиграции. Когда он говорит о знакомых ему людях, об эмигрантах, чья деятельность близка ему и признана на Западе, у него появляются нотки восхищения. Так, в том же очерке «Париж» он с восторгом описывает аэродром в Бурже и отмечает служащего этого аэродрома, который показывал поэту новую технику: «Перед уходом мы, с трудом изъяснявшиеся все время с нашим любезным провожатым, пытаемся с тем же трудом его поблагодарить. Француз выслушал и потом ответил на чисто русском языке: «Не стоит благодарности, для русских всегда рад, я сам русский, ушёл с врангелевцами, а теперь видите...» [4, с. 227]. Это был знакомый поэту лётчик Лебедев, но Маяковский не мог назвать его имени, опасаясь за него и оставшихся в СССР его родственников [1].

Маяковский, восхищаясь тем, что русские эмигранты способны оказаться нужными и другому государству, всё же не оставляет надежды, что и такие люди вернутся на родину: «Серьёзную школу прошли! Где только русских не раскидало. Теперь к нам пачками возвращаются “просветлённые”. Что ж, может быть, ещё и РСФСР воспользуется его знаниями» [4, с. 227].

Иронический тон Маяковского меняется, когда в очерке «Семидневный смотр французской живописи» поэт пишет о творчестве Н.Н. Гончаровой и

М.Ф. Ларионова, отмечает их восприятие Советской республики: «Радует отношение этих художников к РСФСР, не скулящее и инсинуирующее отношение эмигрантов. Деловое отношение. Своё, давно ожидаемое и ничуть не удивившее дело. Никаких вопросов о “сменах вех”. Приезд в Россию – техническая подробность. Приятно констатировать на этом примере, что революционеры в области искусства остаются таковыми до конца» [4, с. 250]. Он отмечает профессиональные заслуги этих художников, их влияние на искусство своего времени: «Когда смотришь последние вещи Пикассо, удивляешься красочности, каким-то карусельным тонам его картин, его эскизов декораций. Это несомненно влияние наших красочников Гончаровой и Ларионова» [4, с. 249]. Маяковский гордится, что такие, принятые на Западе, деятели искусства – русские, способные сотрудничать с Советским государством.

Маяковский признает и принимает эмигрантскую позицию тех деятелей русского искусства, чьё творчество он считает важным и значимым в общечеловеческом отношении: «Душа этого дела, во всяком случае одна из душ, – опарижившийся русский, Игорь Стравинский. Музыкальная Россия его прекрасно знает по “Петрушке”, по “Соловью” и др. вещам. Париж также его прекрасно знает по постановкам С.П. Дягилева. Испанец Пикассо – в живописи, русский Стравинский – в музыке, видите ли, столпы европейского искусства» [4, с. 229].

Маяковский сочувствует эмигрантам, не отказавшимся от своих идейных и творческих принципов и на чужбине. Он пишет о Викторе Сергеевиче Барте,³ русском живописце, теоретике искусства, с которым Маяковский был знаком по учёбе в Московском училище

³ В Париже с 1917 года писал картины, теоретические статьи о живописи, участвовал в парижских выставках. В 1925 году вместе с советскими художниками оформлял павильон СССР на международной парижской выставке.

живописи, ваяния и зодчества: «Если высокомерное отношение Франции не отразилось на Ларионове и Гончаровой, сумевших продвинуться в другие страны, то русским без энергии Париж – крышка. Я был в мастерской Барта, очень знакомого нам художника до войны, человека серьёзного, с большим талантом, – в его крохотном поднебесном ателье я видел десятки работ несомненно интересных... по сравнению с любым французом <...> Барт рассказывает мне грустную повесть о том, как он был единственным офицером, не соглашавшимся после Октября с культурной манерой французов хоронить не желающих идти против революционной России в африканских ямах» [4, с. 250], то есть содержать в военном лагере в Бизерте.

Как видим, изображение Маяковским эмиграции двойко. Если поэт следовал принятой в СССР оценке каких-то представителей эмиграции, агитационным приёмам и клише, то он создавал яркие карикатурные образы, доводя их до гротесковой остроты. Если же описывал деятельность и творчество знакомых или близких ему по духу эмигрантов, то здесь уже отсутствовали сатирические краски, проявлялось восхищение находчивостью бывших соотечественников и их востребованностью на чужбине.

Литература

1. Колесникова Л.Е. История одного автографа Маяковского // Творчество В.В. Маяковского. Выпуск 2: Проблемы текстологии и биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 571–581.
2. Маяковский В.В. Окна РОСТА и ГлавПолитПросвета. 1919–1921. Сост. А. Морозов. М.: Издательство «КОНТАКТ-КУЛЬТУРА», 2010.
3. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. Т. 2. [Стихотворения, поэма и пьесы 1917—1921 годов] / Подгот. текста и примеч. Н.В. Реформатской; Ред. В. Перцов. 1956.

4. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 4. [Стихотворения 1922 года, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923 годов] / Подгот. текста и примеч. В.А. Арутчевой и З.С. Паперного; Ред. А. Февральский. 1957.
5. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 7. [Стихотворения второй половины 1925 года – 1926 года и очерки об Америке] / Подгот. текста и примеч. В.В. Кожина, И.А. Робица, В.В. Тимофеевой; Ред. А. Февральский. 1957.
6. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 8. [Стихотворения 1927 года, поэма «Хорошо!» и очерки] / Подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна; Ред. Ф. Пицкель. 1958.
7. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 9. [Стихотворения 1928 года, и очерк «Рожденные столицы»] / Ред. В.Д. Дувакин. 1958.
8. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 10. [Стихотворения 1929–1930 годов, вступление в поэму «Во весь голос», стихи детям] / Подгот. текста и примечания С.А. Коваленко. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958.
9. Сатира и юмор русской эмиграции. Сост. С.А. Александров. М.: «АИРО–XX», 1998.
10. Терехина В.Н. «Беспощадная умница» – карикатурист МАД // Евреи в культуре русского зарубежья. Т.4. Сост. и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 220–228.
11. Терехина В.Н. Творчество В.В. Маяковского в критике русского зарубежья (1920–1930-е годы). Дисс. канд. фил. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1993.